

ПРОЖЕКТОР

№ 4 (50)—1925 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. БУХАРИНА И А. ВОРОНСКОГО.

Адрес Редакции: МОСКВА, Тверская ул., № 42.

СОДЕРЖАНИЕ:

Н. Крупная. Дети и работница. Елена Сергеева. Дурочка. Рассказ. С. Третьяков. Ленинский день в Пекине. Юрий Соболев. Монархия накануне революции. А. Воронский. О „Перевале“ и перелазцах. Вера Инбер. Коломор. Рассказ. Ари Барбюсс. Брат. Рассказ. Л. Бархаш. Работница в физкультуре.

Стихи С. Есенина, С. Светаева, Мих. Светлова.

Рис. худ. В. Иозлинского и Н. Ротова.

В НОМЕРЕ 50 ХУДОЖЕСТВЕННЫХ

ФОТОГРАФИЙ.

Библиография

им. Н. А. Некрасова

Изд. газ. „ПРАВДА“.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ.

Фот. В. Савельева.

Новое правление Всесоюзного Союза Писателей, избранное в феврале. Избраны: А. Воронский, В. Вересаев, А. Веселый, М. Герасимов, Еф. Зозуля, В. Лидин, П. Орешин, В. Львов-Рогачевский, И. Новиков, С. Поляков, Б. Пильняк, Ю. Соболев, А. Соболев, М. Светлов, А. Яковлев, А. Эфрос, В. Кириллов.

На снимке—члены правления, хозяйственной и ревизионной комиссий. Сидят, слева направо: И. Новиков, Еф. Зозуля, А. Эфрос, В. Вересаев, А. Воронский, В. Кириллов, С. Поляков, Ю. Соболев, В. Никольский. Второй ряд: В. Лидин, И. Дорохов, В. Львов-Рогачевский, А. Яковлев, М. Светлов, А. Веселый, М. Герасимов. Третий ряд: Б. Пильняк, П. Зайцев, С. Буданцев, С. Борисов, В. Ютанов, М. Жуков, П. Вагин, С. Клычков, П. Орешин.

А. Воронский.

О „ПЕРЕВАЛЕ“ И ПЕРЕВАЛЬЦАХ.

Есть такая литературная группа „Перевал“ и есть товарищи—литераторы и критики, для которых эта группа—„чудище обло, озорно, стозевно и лай“. Для них она—сборище писательского молодняка, разложившегося, оторванного от масс, подпавшего под растлевающее влияние мелко-буржуазных попутчиков и т. д. и т. д.

Цена всем этим отречениям весьма относительна: сегодня такая-то группа литераторов на всех перекрестках предается анафеме,—глядишь—завтра она уже на все 100% признается коммунистической и заслуживает всяческих похвал. Сегодня такой-то попутчик изображается исчадием ада и вместилищем всех пороков, а завтра ему говорят: „Печатайся у нас, хорошо будет, уставим обший лад“.

В отлучениях перевальцев любопытно, прежде всего, такое обстоятельство: „разложившихся“ перевальцев довольно охотно печатают наши коммунистические издания: „Красная Новь“, „Прожектор“, „Молодая Гвардия“, „Октябрь“, „Красная Нива“ и пр. Печатают вопреки литературным группировкам, спорам и разногласиям. Многим читателям хорошо знакомы: Артем Веселый, Мих. Светлов, Ясный, Мих. Голодный, Костерин, Дружинин, Акульшин, Наседкин, Алтаузен, Ковынев, Скуратов, Зарудин, Каурычев, Сергеева и другие.

В чем дело?

А дело в очень простом: перевальский молодняк, несомненно, талантлив, и слухи об идеологической смерти его и разложении, выражаясь мягко, безусловно преувеличены.

В „Перевале“ есть два крыла: комсомольское, вузовское, городское, более юное, часто совсем юное, неуравновешенное, ищущее,—и крестьянское, деревенское, более зрелое и художественно-определившееся. Но и то и другое имеет одно общее: перевальцы поставили себе задачу органически сочетать коммунистические идеи со своей художественной индивидуальностью. Дело это отнюдь не легкое и не простое. Усвоить—особенно внешним, показным образом—азбуку коммунизма сравнительно нетрудно, но куда трудней свои заветные, свои интимные думы и чувства сочетать с лучшими идеями нашего века и найти этому сочетанию свое, особое художественное выражение. Такого показного, взятого на прокат коммунизма в литературе и в жизни у нас сколько угодно. Иногда такие поэмы, стихи, повести выглядят даже очень по-коммунистически; беда, однако, в том, что они обычно ничего не дают ни уму, ни сердцу, скользят по поверхности и напоены до краев одной звонкой фразеологией. Перевальцы бьются за свое литературное существование, но они не хотят идти по пути наименьшего сопротивления. Их поэтический путь тяжелей. Заранее можно сказать, что бу-

дут провалы, будут срывы, будут нелегкие раздумья, но будут и значительные приобретения и поступательное движение „вперед и выше“.

Перевальцы поэтически искренни и честны. Они ищут себя, ищут своих художественных троп, боятся натасканного, наезженного, шаблонного, истертого, искусственно подогретого, захватанного, чуждого себе. Тут, разумеется, придется преодолеть много всяких затруднений, порой очень неожиданных. Одно из них заключается в том, что смутными и неопределенными остаются до сих пор перспективы развития нашей советской красной молодежи. Она находится в процессе формирования. Коммунистическая выучка еще не прошла „от сердца до виска“. Тов. Бухарин правильно писал в статье „Енчмениада“: „Наша молодежь... стоит на перевале, на рубеже. Они—новые люди, с новыми психологическими и физиологическими чертами, нужными для эпохи. Но

А. Ковынов.

функциональная роль этой молодежи или, вернее, ее известной части, будет зависеть от всей судьбы нашей революции“. На советской земле происходит борьба двух основных тенденций: буржуазно-капиталистической и социалистической. Поскольку исход этой борьбы еще далеко не решен, нерешенными остаются и вопросы творческого художественного самоопределения нашего писательского молодняка. Только величайшие упростили или чиновники могут закрывать глаза на это.

Я отнюдь не хочу сказать, что художественный молодняк, вообще, и „Перевал“, в частности, заражен буржуазно-капиталистическим духом новейшего, нэпмановского покроя. Этого нет и, надеюсь, не будет. Но процесс художественного нахождения себя и органического сочетания идеологии коммунизма со своим поэтическим существом, несомненно, тормозится борьбой „двух душ“ в республике советов. Это торможение сказывается, например, иногда в неправильной оценке НЭПа. Многим из нашей молодежи кажется, что новая экономическая политика есть только вынужденная сдача революционных позиций врагу; в НЭПе не видят ничего творческого. Такая недооценка усугубляется отвратительным материальным положением молодых писателей и ведет к разным подчас сомнительным настроениям. Цуканьем тут делу не поможешь. Тут нужна длительная, упорная, осторожная, чуткая и гибкая товарищеская работа более старшего коммунистического поколения, нужны квартиры, издательские возможности. У нас же пока больше крику, чем дела. Наша писательская молодежь фактически брошена на произвол судьбы, живет и развивается очень одиноко. Если прибавить сюда подвиги наших литера-

Д. Алтаузен.

П. Дружинин.

турных ташкентцев, то станет совсем ясным, что поэтическое самоопределение в наше время—совсем не легкое дело.

Другое препятствие лежит в том, что у нас нет сколько-нибудь сложившейся художественной среды, и в перепутьях, на которых стоит сейчас наша советская послеоктябрьская литература. Вопросы, как и о чем писать, до сих пор не только не решены, но даже и не поставлены как следует. Если для более зрелых современ-

ных художников литературные шатания „сема и овамо“—обычное явление, то тем более это надо сказать о нашей молодежи. До сих пор у нас не создана сколько-нибудь удовлетворительная общественная художественная среда. Писательский труд, в сущности, не охраняется, на работу писателя смотрят, как на нечто приватное, как на баловство и досужее препровождение времени. Тем более нет своей родной, пролетарской художественной среды, ибо напостовщина есть только карриатура на эту среду,—нет своих традиций, навыков, своего психологического опыта, либо это только слабо намечается. Наши пролетарские кружки находятся в состоянии перманентных склок и споров. Они делают „высокую“ политику. Вопросы художественного порядка оттиснуты на задворки; царит кружковщина; газеты, пресса занимаются литературой случайно. Все это отнюдь не содействует художественному росту и самоопределению писателя.

Тем не менее перевальцы кое-каких существенных результатов уже достигли. У основного ядра перевальцев есть свое лицо. Каждый старается сказать на свой лад и образец; складываются художественные индивидуальности. Мы ясно различаем крепкое (иногда слишком крепкое), буйное, вколачивающее гвозди слово Артема Веселого с его советской красной повольщиной, стихийной, распушенной, периода 18-го года, решительной в боях с „кадетней“ и не менее решительной в драках, в пьянстве, в буче, в очистках магазинов,—вдумчивые, тихие деревенские песни Дружинина, хмурую поэзию Мих. Голодного, скептическую усмешку М. Светлова, тоску по курку револьвера (гражданская война) и сосредоточенность Ясного, сибирские мотивы Скуратова и Алтаузена, навеянные тайгой, проселочными дорогами, кандалами и снежной ширью, деревенский реализм Акульшина с прекрасным знанием сельского быта, народной песни, частушки, заговоров,—стихи Наседкина, который от экзотики востока возвращает нас к родимым полям, раз'едающую сосредоточенность рассказов Костерина, деревенские сказы Сергеевой, свежесть и упористость Платонова, узорность стихов Зарудина и т. д.

Группа „Перевал“, кажется, единственная, которая не пишет широковетвистых, пространных, упорно повторяющихся деклараций о литературной политике. По подобию писателя, по духу, по характеру своей организации „Перевал“ не приспособлен к „захвату власти“ в литературе. „Захват“ осуществляется в меру количественного и качественного роста и развертывания художественных сил,—путь „к власти“ самый верный.

В силу этих и иных причин перевальцам решительно нет никакой надобности в походе против так называемых попутчиков. Сохраняя и охраняя свое групповое литературное лицо, „Перевал“ старается установить дружеские, добрососедские отношения с беспартийными писателями.

Перевальцы ценят Бабеля, Иванова, Леонова, Сейфуллину, Есенина, Тихонова и других. На собраниях их группы нередко можно слышать и видеть талантливый попутчиков. Оттого, что перевальцы не присоединяются к достоянному родовскому хору, не стоят на точке зрения „тащить и не пущать“ и не смотрят на попутчиков как на низшее сословие и как на объект упражнения в решительной двухэтажной словесности, их самих клеймят попутчиками, их подголосками и т. п. На самом же деле перевальцы повинны в том, что они в основном наметили правильную линию по отношению к писат-

Н. Зарудин.

А. Костерин.

телям попутнического толка и тем самым содействуют установлению нормальной литературной атмосферы.

Из существующих молодых литературных организаций „Перевал“, на наш взгляд, по типу является наиболее свежей и обещающей организацией. Не даром ряд провинциальных групп, наиболее зрелых в художественном отношении тянется к „Перевалу“. Конечно, в „Перевале“ многое дано пока лишь только

В. Наседкин.

в намеке, но ведь иначе и не может быть в группе, в которой средний возраст колеблется между 19-ью и 25 годами, в наши неустоявшиеся дни, особенно в литературе.

Во всяком случае, художественные достижения перевальцев уже теперь вполне серьезны. Их стихи, проза — не студийная, ученическая работа, а нечто реальное, свидетельствующее о культурных сдвигах рабочих и крестьян. Два литературно-художественных сборника, выпущенных „Перевалом“, имеют ряд изъянов. Есть не выношенное, напечатанное слишком поспешно, нет строгой руки в подборе материала, нет твердой редакторской правки рукописей, сборники слишком загромождены стихами, — но за всем тем они ничуть не хуже того, что выпускает МАПП, руководители которого претендуют на захват власти в литературе. Есть положительно интересные и хорошие вещи, а главное, видно вдумчивое отношение к действительности и к слову.

Большинство перевальской молодежи еще не вышло из стадии подражательства: на их творчестве сказывается влияние Блока, Есенина, Маяковского, Казина, но в форму своего стиха „Перевал“ вправляет свои настроения. Тот, кто пожелал бы по стихам и прозе узнать, чем волнуется живет и дышит наша учащаяся комсомольская молодежь, нашел бы у перевальцев ценное и поучительное. Пишется, может быть, иногда не так, как нужно бы с точки зрения стройного и проработанного коммунистического мировоззрения, но правдиво.

Е. Эркин.

Группа не заражена духом кружковой нетерпимости и спеси, она не прокламирует и не считает себя солью земли. В наше время это — хорошие качества, ибо мы задыхаемся в современном кружковом политиканстве, в схождениях и расхождениях, в блоках, которые на другой же день показывают свою полную эфемерность.

Всем этим мы отнюдь не хотим сказать, что в „Перевале“ все на месте. Самоубийство Н. Кузнецова вскрывает наличие среди некоторых перевальцев сумрачных и тяжелых настроений. В целом они для „Перевала“ не типичны, но пройти мимо них тоже нельзя. У части перевальцев есть расшатанность и расхлябанность нервов, отсутствие прочной жизненной доминанты, недостаток боевого революционного напряжения и т. д.

Питаются такие настроения отчасти тяжелым материальным положением, в котором живет писательский мо-

Д. Петровский.

лодник. Безденежье, своеобразные квартирные условия, хождения по редакциям в поисках авансов и грошевых гонораров — это и подобное создает благоприятную атмосферу для особой комсомольской писательской богемы.

Другая причина лежит в линии революционно-романтических чувств. Пафос бурных годов гражданской войны уступает место трезвой, кропотливой, обычной, культурнической работе „революционных будней“, и, если на этом переходе на новые рельсы оступились в свое время многие из более зрелого поколения „Кузнецов“ (теперь это, кажется, изживается), то молодым комсомольским писателям здесь грозит еще больше опасностей, вывихов и искривлений. Закрывать глаза на это нельзя. „Перевалу“ надлежит вести упорную и тактичную борьбу с подобными настроениями, надобно подтягивать тех, кто впадает в унылую безвольность и бесхребетную созерцательность, кто слишком зарывается и уходит в себя.

Е. Сергеева.

Во всем должна быть мера. Найти себя — первейшая обязанность художника. Но это ни в какой мере не означает, что художник должен отдаться безвольному течению своих дум и чувств, плавать без руля и ветрил. Наша эпоха в особенности требует от художника усиленной напряженной работы над собой по переплавке, по отшлифовке себя. Сбросить старые вериги, дать простор всему лучшему в наши дни, тому, что необходимо для борьбы и победы, не поддаваться слишком

временному, случайному, всему, что тянет нас назад, чтобы шаг был упругим и взгляд твердым — этого требует наше время настойчиво и властно.

И потом: нужно учиться, учиться и учиться. Нашему писательскому молодяку недостает культурной выучки. Некоторые надеются на свое „нутро“. „Нутро“ — дело хорошее, но одно оно писателя никогда не вывозило. Писательство, помимо „нутра“, есть труд, очень тяжелый и упорный. Произведение писателя не спадает на землю в виде манны небесной, оно требует мастерской, сложных инструментов и умения обращаться с ними.

Наконец, оно требует ясно осознанной целевой установки, целеустремленности. Нельзя засушивать себя в сухих схемах, но также нельзя плыть в современном бурном океане без компаса.

Я знаю, что перевальцы не боятся бурь. Наоборот, — их страстное желание —

— Пусть сильнее грянет буря.

Но когда грянет она — она еще, еще и еще грянет и не раз и не два, — тогда нужно иметь твердую руку, верный глаз, отважное сердце и холодный, гибкий ум.

М. Голодный.

А. Ясный.